

Судебный контроль за досудебным производством в уголовно-процессуальном законодательстве Грузии

Алла Верещагина, Дарья Куманькова*

Актуальность исследования обусловлена поиском приемлемых для России образцов регламентации института судебного контроля за досудебным производством, постановка которого в действующем Уголовно-процессуальном кодексе России не вполне удачна и не позволяет реализовать одно из направлений деятельности суда — прерогативу на ограничение конституционных прав и свобод личности. Российские исследователи практически не уделяют внимания изучению имеющегося зарубежного опыта. Цель данного исследования — выявить конструктивные элементы нормативной модели судебного контроля за досудебным производством в Грузии. Для достижения означенной цели сформулированы следующие задачи: изучить эволюцию института судебного контроля за досудебным производством; дать периодизацию развития института; проанализировать нормативную регламентацию и изложить архитектуру института судебного контроля за досудебным производством. Объект исследования — уголовно-процессуальное законодательство Грузии, предмет исследования — нормативная регламентация грузинского института судебного контроля за досудебным производством. Новизна полученных результатов заключается в том, что до настоящего времени регламентация досудебного контроля за досудебным производством российскими учёными не исследовалась. В качестве гипотезы сформулировано предположение о наличии в грузинском уголовно-процессуальном законодательстве приемлемых для рецепции положений, касающихся судебного контроля за досудебным производством. В развитии института судебного контроля за досудебным производством в Грузии можно выделить два этапа: 1) учреждение и закрепление основных элементов института (1998–2009) и 2) дальнейшее развитие института (с 2010 года по настоящее время). Конструкция института судебного контроля за досудебным производством в Грузии подобна имеющейся в России, но имеет ряд отличий. К основным особенностям регламентации можно отнести учреждение специального субъекта — судьи-магистрата, осуществляющего судебный контроль за досудебным производством; большой спектр направлений судебного контроля, включая депонирование показаний; закрепление общих и особенных процедур принятия судебного решения о применении мер процессуального принуждения и производстве следственных действий и конкретных сжатых сроков разрешения ходатайств и жалоб.

DOI: 10.21128/1812-7126-2022-3-1-21

→ Судья-магистрат; депонирование показаний свидетеля; мера процессуального принуждения; последующий судебный контроль; предварительный судебный контроль; следственное действие

1. Введение

Идея исключительного права суда не только разрешать различные споры по существу, но и ограничивать права и свободы человека впервые в России была достаточно чётко

* Верещагина Алла Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия (e-mail: alla.vereschagina@vvsu.ru); Куманькова Дарья Александровна — учитель истории и обществознания, средняя образовательная школа № 79, Владивосток, Россия (e-mail: dkumankova@mail.ru).

сформулирована в петровские времена И. Т. Посошковым (XVIII век). В книге «О скудости и богатстве» И. Т. Посошков, описывая проблемы современной ему России и способы их решения, значительное внимание уделяет суду, в том числе особой роли суда в обеспечении неприкосновенности личности¹. Вслед за И. Т. Посошковым к этим вопросам обращались Д. Н. Фонвизин, С. Е. Десницкий, М. А. Балугьянский, Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский и другие². Только в середине XIX века с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 года теоретические суждения трансформировались в нормативное оформление полномочий суда по обеспечению и защите прав личности. Авторы Судебных уставов своей задачей видели создание самостоятельной судебной власти, позволяющей оградить личность от произвола со стороны государства. Принятие Судебных уставов, представляющих собой нормативные основы судебной реформы XIX века, которая остаётся до настоящего времени лучшим образчиком модернизации юстиции в России, стало толчком к активному развитию юриспруденции, включая государственное (в современной терминологии конституционное) право в конце XIX — начале XX века. Исследователи уделяли значительное внимание осмыслению понятий социального, конституционного, правового, социалистического государства и, вне зависимости от многообразия подходов, непременно обращались к изложению сущности судебной власти и её отграничения от властей исполнительной и законодательной, а также к месту и роли судов в государственно-организованном обществе и обеспечении прав личности и т. п. На наш взгляд, именно в конце XIX — начале XX века сформировались транслируемое в современных исследованиях понятие судебной ветви власти, а также её характеристики, критерии её отграничения от законодательной и исполнительной ветвей, особая роль и основные направления деятельности судов в правовом государстве и т. д.³

Для цели и задач исследования кратко остановимся на двух моментах внешней и внутренней самостоятельности судебной власти. Под внешней самостоятельностью судебной власти понимались приёмы последовательного разграничения трёх ветвей власти, выделяемых в соответствии с принципом разделения властей как основы государственной организации общества. По мнению дореволюционных исследователей, действительно самостоятельная судебная власть должна, наряду с прочим, обладать полнотой, то есть исключительным правом на ограничение конституционных прав и свобод личности. Это направление деятельности судов реализуется посредством предварительного и последующего судебного контроля за деятельностью органов, осуществляющих уголовное преследование. Эффективность судебного контроля за досудебным производством тесно связана не только с констатацией контроля, закреплением процедуры его осуществления, но и с организационными моментами, которые относятся к внутренней самостоятельности судебной власти и предполагают, помимо закрепления несменяемости судей, исключение субординационных отношений в судебной системе, ущемляющих независимость судей при принятии решений. Эти и ряд других моментов, способствующих формированию действительной самостоятельности судебной власти,

¹ См.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 54–59, 77, 80, 92.

² Подробнее см.: *Верещагина А. В.* Идея неприкосновенности личности и опыт её реализации в досоветской России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. № 3. С. 62–71.

³ См., например: *Котляревский С. А.* Конституционное государство: Опыт политико-морфологического обзора. СПб.: Тип. Альтшулера, 1907. С. 234 и след.; *Котляревский С. А.* Власть и право: Проблема правового государства. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1915. С. 328 и след.; *Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В.* Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2011. С. 26–27.

закреплены в Конституции РФ⁴ и должны были бы последовательно детализироваться в судоустройственных и процессуальных законах. Однако развитие практически никогда не бывает однолинейным, всегда есть какие-либо факторы, искажающие изначально задуманное. Данное суждение справедливо для института судебного контроля за досудебным производством, появившегося в российском законодательстве с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (*далее* — УПК РФ) 18 декабря 2001 года⁵. Закреплённая в УПК РФ нормативная модель судебного контроля за досудебным производством активно критикуется современными исследователями. Одним из отмечаемых существенных недостатков рассматриваемого института является отсутствие диверсификации полномочий между судьями, осуществляющими судебный контроль и рассматривающими уголовное дело по существу, что не может не влиять на формирование внутреннего убеждения о причастности привлекаемого к уголовной ответственности лица ещё на досудебных стадиях⁶. Российская постановка судебного контроля за досудебным производством предопределяет необходимость корректировки законодательства, что делает актуальным изучение имеющегося зарубежного опыта.

В работах об уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства встречаются обращения к имеющейся регламентации в Грузии, касающиеся прекращения производства по уголовным делам; статуса некоторых участников уголовного судопроизводства (прокурора, потерпевшего); доказательств и доказывания; мер процессуального принуждения; суда присяжных; ускоренного производства⁷ и т. д.

⁴ См. подробнее: *Верещагина А.* Конституционные основы уголовно-процессуального законодательства России // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49). С. 182–190, 182–184.

⁵ Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁶ См.: *Верещагина А. В., Куманькова Д. А.* Процедура реализации полномочий следственным судьей в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Кыргызстана и Молдовы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. № 1. С. 76–89, 78. Подробнее о содержании дискуссии см.: *Рабина Т. К.* Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // *Lex Russica*. 2017. № 12. С. 200–213.

⁷ См.: *Богданович Н. А.* Прекращение производства по уголовным делам, зарегистрированным в электронной системе «Единый реестр досудебных расследований»: проблемы теории и практики // Журнал зарубежного права и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 94–99; *Букаев Н. М., Корякин А. Л.* Особенности ускоренного судопроизводства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в некоторых зарубежных странах // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 31. С. 105–111; *Зайцев В. П.* К вопросу о сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь // Право. Экономика. Психология. 2019. № 4. С. 15–22, 20; *Клевцов К. К.* Изъятие паспорта в рамках предварительного расследования — новая мера уголовно-процессуального принуждения // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118–122, 120–121; *Машовец А. О.* Варианты введения института следственного судьи в досудебное уголовное производство // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 4. С. 37–42, 38–39; *Насонов С. А.* Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Грузии (сравнительно-правовое исследование) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 163–169; *Пастухов П. С., Терехин В. В.* К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». 2014. № 18. С. 69–75, 72–73; *Севрук Ю. Г., Столетний А. В.* Процессуальное руководство прокурором досудебным расследованием: международный опыт и национальные реалии // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2018. № 1. С. 81–90, 86–89; *Семенцов В. А.* К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48–57, 51; *Татьянина Л. Г., Лукомская А. С.* Сравнительно-правовой анализ дефинитивной нормы о потерпевшем в уголовно-процессуальном законодательстве стран Ближнего зарубежья (стран СНГ и Прибалтики) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 4. С. 27–35, 28, 31–32, 35; *Чурикова А. Ю.* Значение выбора модели деятельности прокурора для реформы уголовного процесса // Трансформация правовых инсти-

Однако монографических исследований грузинского института судебного контроля за досудебным производством до настоящего времени опубликовано не было.

2. Эволюция судебного контроля за досудебным производством в Грузии

Эволюция института судебного контроля в Грузии имеет особенности. Во-первых, институт судебного контроля в уголовно-процессуальном законе появился практически с момента обретения Грузией независимости⁸. После смены власти в 1991–1992 годах избранный Президентом Грузии Э. А. Шеварднадзе декларировал декоммунизацию и создание правового государства. По мнению В. М. Долидзе, при Э. А. Шеварднадзе «усиливается процесс слома старой государственной машины и создания новой»⁹. В 1995 году в Грузии принимается Конституция, которая содержит крайне важное для формирования судебного контроля за досудебным производством положение о допустимости ограничения прав и свобод личности только на основании судебного решения (статьи 18, 20, 21)¹⁰. В принятом в 1998 году Уголовно-процессуальном кодексе Грузии (*далее* — УПК Грузии) в развитие означенного выше конституционного положения закрепляется судебный контроль за досудебным производством (следствием)¹¹. Во-вторых, несмотря на наличие нормативной регламентации, де-факто судебный контроль за следствием сначала не осуществлялся. Вероятно, это связано со сложной социально-политической ситуацией в Грузии в начале XXI века, характеризующейся упадком экономики, криминализацией общества, насильственной сменой властных элит, использованием государственной службы в личных интересах и т. п.¹² В такой обстановке нормальное функционирование государственных органов затруднительно. В 2005 году в Грузии началась судебная реформа, целью которой было, по сути, создание системы правосудия, «так как предпринимаемые с 1997 года меры в этом направлении... не привели к желаемому результату»¹³. В связи с вышеизложенным в процессе развития судебного контроля за досудебным производством в Грузии можно выделить два этапа: первый (1998–2009) — учреждение института судебного контроля за досудебным производством и регламентация его основных положений; второй (с 2010 года по настоящее время) — развитие института судебного контроля за досудебным производством.

тутов и методов обеспечения экологической и продовольственной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза в условиях внедрения генно-инженерных технологий: Материалы VII Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов: сборник научных статей / под ред. Н. Т. Разгельдеева и др. Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2021. С. 234–237; Юсупов М. Ю., Магомедов Г. Б. Прокурорская дискреция в уголовном процессе России и Грузии: сравнительно-правовой анализ // Правовая культура. 2018. № 1. С. 54–61 и др.

⁸ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 20 февраля 1998 года № 1251 (ред. от 20 марта 1998 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/31882?publication=0> (дата обращения: 04.06.2022).

⁹ Долидзе В. М. Посткоммунистическая трансформация и циклы политического развития Грузии // Постсоветские исследования. 2019. № 1. С. 885–892, 889.

¹⁰ Конституция Грузии: принята на референдуме 24 августа 1995 года (ред. от 24 августа 1995 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/30346?publication=0> (дата обращения: 04.06.2022). Далее в тексте ссылки на Конституцию Грузии приведены по этому источнику.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 20 февраля 1998 года № 1251 (ред. от 20 марта 1998 года).

¹² См. подробнее: Долидзе В. М. Указ. соч.; Яшкова Т. А., Чичинадзе С. Я. Становление государственности и развитие демократических институтов Республики Грузия // Теории и проблемы политических исследований. 2020. № 4–1. С. 66–74, 69.

¹³ Овсянников Ю. З. Судебная реформа в Грузии (2005–2012) // Закон.ру. 2013. 23 января. URL: https://zakon.ru/blog/2013/1/23/sudebnaya_reforma_v_gruzii_20052012 (дата обращения: 04.06.2022).

2.1. Этап с 1998 по 2009 год — учреждение института судебного контроля за досудебным производством и регламентация его основных положений

2.1.1. Судебный контроль за применением мер процессуального принуждения органами, осуществляющими уголовное преследование

Предметом судебного контроля в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Грузии 1998 года прежде всего стали меры уголовно-процессуального принуждения, что совершенно справедливо, поскольку их применение сопряжено с существенными ограничениями конституционных прав и свобод на личную неприкосновенность, свободу передвижения и выбора места пребывания и жительства, права частной собственности и свободу труда, неприкосновенность жилища (статьи 15, 18, 20–22, 30 Конституции Грузии).

Система мер процессуального принуждения в УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года состояла из: 1) мер пресечения (арест, домашний арест, передача обвиняемого под надзор полиции, залог, передача обвиняемого под надзор командования за поведением военнослужащего, помещение лица в медицинское учреждение для проведения экспертизы (статьи 159, 166, 167, 168, 172, 177) и 2) иных мер процессуального принуждения (освобождение обвиняемого от должности (работы), наложение ареста на имущество (статьи 184, 193).

Помимо фиксации системы мер процессуального принуждения в УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года были закреплены правила рассмотрения судом ходатайств по их избранию (статья 140 «Судебные правила применения мер уголовно-процессуального принуждения»). Ходатайство рассматривалось единолично судьёй в закрытом судебном заседании, с участием представителей органа, инициировавшего просьбу, и стороны защиты (лица, в отношении которого заявлено ходатайство о применении мер процессуального принуждения, защитника и законного представителя). Срок принятия решения зависел от вида испрашиваемой меры процессуального принуждения: 1) для мер пресечения не позднее второго дня с момента получения ходатайства судом и 2) для иных мер процессуального принуждения более 48 часов со дня получения судом ходатайства. В судебном заседании могли исследоваться доказательства; составлялся протокол судебного заседания и по результатам выносилось одно из двух решений: удовлетворение либо отказ в удовлетворении ходатайства.

В целом в грузинском уголовно-процессуальном законе от 20 марта 1998 года система мер процессуального принуждения и процедура их применения подобны имеющимся в УПК РФ, но были и обращающие на себя внимание особенности, оценка которых неоднозначна. Так, суд наделялся прерогативой не только избрания и продления, но и изменения и отмены применённой меры процессуального принуждения. Решение могло быть принято в отсутствие не явившихся представителей сторон, в том числе той из них, которая инициировала ходатайство. Факт вручения исполнителю приказа суда о применении меры процессуального принуждения подтверждался протоколом. Если имелись препятствия, не позволявшие своевременно исполнить приказ, суд имел право продлить срок действия приказа на 14 дней без повторного рассмотрения ходатайства. Закон допускал однократное обжалование в апелляционном порядке приказа о применении меры процессуального принуждения при условии возникновения нового существенного обстоятельства, «которое не было известно судье во время вынесения постановления» (части 9, 11, 13, 14, 17 статьи 140 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года).

В первом приближении допустимость рассмотрения ходатайства в отсутствие сторон, однократность апелляционного обжалования только при наличии существенных обстоятельств, продление срока действия приказа могут быть расценены как ограничение права на защиту. Однако, с другой стороны, такой жёсткий подход есть не что иное, как превенция от злоупотребления правом обеими сторонами и реализация права на доступ к правосудию, поскольку оптимизируется движение уголовного дела. Положение о прерогативе суда не только избирать, но и изменять и отменять меру процессуального принуждения логично и подчёркивает недопустимость вторжения иных субъектов в компетенцию суда, а также ограничивает возможности манипуляций органами уголовного преследования.

Как следует из вышеизложенного, изначально грузинский законодатель не только установил судебный контроль за применением в досудебном производстве некоторых мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы личности, но и наметил процедуру его реализации, которая, несмотря на сходство с российским аналогом, содержала ряд несвойственных для российского уголовно-процессуального закона положений.

2.1.2. Судебный контроль за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности

Помимо мер процессуального принуждения судебный контроль был распространён на производство некоторых следственных действий, таких как обыск, выемка, изъятие почтово-телеграфных сообщений, осмотр жилого помещения, рабочего места, закрытой территории, проведение эксгумации (статьи 318, 329, 337, 385 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). Закон содержал чёткие критерии применения судебного контроля — ограничение при производстве следственного действия неприкосновенности личности, жилища, частной жизни (часть 1 статьи 290 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). Кроме того, достаточно подробно излагались требования к содержанию ходатайства и процедуре его рассмотрения. В ходатайстве должны были отражаться: 1) сведения о расследуемом преступлении; 2) предполагаемые результаты испрашиваемого следственного действия; 3) время, место и непосредственный исполнитель следственного действия; 4) иные данные, необходимые для принятия судом законного и мотивированного решения. Ходатайство санкционировалось прокурором. До начала судебного заседания прокурор и следователь могли отозвать ходатайство. Ходатайство рассматривалось в закрытом судебном заседании единолично судьёй с участием прокурора и следователя, инициировавшего просьбу. Допускалось участие лица, интересы которого затрагивались, его адвоката и представителя (часть 7 статьи 292 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). В начале заседания председательствующий объявлял предмет судебного разбирательства, уточнял информацию об участниках процесса, проверял их полномочия, заслушивал мнения сторон и мог истребовать и исследовать доказательства, подтверждающие обоснованность ходатайства и позицию стороны защиты (провести допросы, осмотреть документы, вещественные доказательства и прочее) (статьи 291–292 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). Срок рассмотрения с момента поступления в суд дифференцировался для ходатайства 1) о производстве обыска, выемки, осмотра жилища и иного имущества, изъятие почтово-телеграфной корреспонденции не позднее следующего дня и 2) 48 часов об иных следственных действиях (часть 4 статьи 292 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). Такой же дифференцированный подход характерен для регламентации содержания решения суда.

По-разному законодатель подошёл к изложению требований к содержанию судебного решения о производстве (или об отказе в производстве) следственного действия. Касательно решения, удовлетворяющего ходатайство о производстве следственного действия, в законе указывалась необходимость фиксировать дату, место принятия решения, сведения о ходатае, суть просьбы и срок действия решения. Напротив, о содержании решения об отказе в удовлетворении ходатайства закон умалчивает. Думается, это отнюдь не означает, что в решении об отказе в удовлетворении ходатайства суд не должен был указывать дату и время принятия решения, инициатора ходатайства и т. п., скорее это пробел, восполняемый по аналогии закона. Куда более значимым различием является отсутствие в законе требования обосновывать и мотивировать решение об удовлетворении ходатайства и, наоборот, обосновывать и мотивировать решение об отказе в удовлетворении ходатайства (часть 8 статьи 292, часть 1 статьи 293 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). С учётом недопустимости обжалования решений, постановляемых по результатам рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий (часть 2 статьи 293 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года), наличие или отсутствие требований обоснованности и мотивированности носит де-факто нейтральный характер и имеет значение разве что для оценки действий стороны обвинения и суда при вынесении оправдательных приговоров и для возникновения права на реабилитацию.

Помимо закрепления общих требований грузинский законодатель попытался учесть особенности содержания ходатайства и процедуры его разрешения, обусловленные спецификой конкретного следственного действия (статьи 318, 319, 329, 331, 337, 385 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). Например, применительно к обыску и выемке содержалось положение о необходимости в ходатайстве и судебном решении указывать индивидуальные особенности подлежащего изъятию предмета или документа (статьи 318, 319 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года). В отношении осмотра и выемки почтово-телеграфной корреспонденции указывалась сущность следственного действия — запрещение доставки почтово-телеграфной корреспонденции и уведомление о её поступлении в отделение связи; виды задерживаемой корреспонденции, к которым также отнесли сообщения, передаваемые факсом и другими техническими средствами связи; длительность производства следственного действия, которое могло продолжаться до вынесения приговора (статьи 329, 331 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года).

Таким образом, в институте предварительного судебного контроля за производством следственных действий можно выделить три группы норм, закрепляющих требования к 1) содержанию ходатайства, 2) общей процедуре его рассмотрения и 3) специфику рассмотрения в связи с конкретными следственными действиями.

Сопоставление нормативных моделей предварительного судебного контроля за производством следственных действий в уголовно-процессуальных законах Грузии 1998 года и России позволяет обозначить ряд не свойственных УПК РФ моментов, в том числе: 1) легальное определение критериев отнесения следственного действия к производимому только при наличии судебного решения; 2) более детализированная регламентация, охватывающая содержание ходатайства, процедуру его рассмотрения и принятия решения с учётом особенностей содержания испрашиваемого следственного действия; 3) допущение участия в судебном заседании адвокатов и представляемых ими лиц, интересы которых могли затрагиваться при производстве следственного действия. Некоторые из перечисленных положений представляют интерес, как, например, фиксация критериев отнесения следственных действий к производимым на основании судебного решения,

которая подчёркивает значимость конституционных прав и свобод личности и допустимость их ограничения только на основании судебного решения.

2.1.3. Последующий судебный контроль за досудебным производством

Последующий судебный контроль за досудебным производством предусматривался нормами УПК Грузии 1998 года в двух формах: 1) контроль суда за результатами следственных действий, которые в исключительных случаях производились без получения судебного решения, и 2) обжалование действий и решений лиц, осуществляющих уголовное преследование.

2.1.3.1. Последующий судебный контроль за производством следственных действий

Производство следственных действий без предварительного получения судебного решения в законе обставлялось рядом условий: а) уголовное дело ещё не возбуждено; б) есть экстренные обстоятельства (возможная утрата следов, доказательств, задержание с поличным и прочее); в) оно допустимо только в отношении некоторых следственных действий (осмотр, выемка, обыск). Наличие этих обстоятельств позволяло вынести постановление о производстве следственного действия, которое незамедлительно доводилось до прокурора с предоставлением полученных результатов. Прокурор был обязан принять решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, а также сообщал судье о проведении следственного действия без судебного решения с направлением ему материалов. Судья проверял законность принятия решения о производстве следственного действия до возбуждения уголовного дела не позднее дня, следующего за поступлением материалов. При проверке допускалось получение объяснений представителя органа, производившего следственное действие. В случае признания решения о производстве следственного действия незаконным полученные доказательства признавались недопустимыми и не подлежащими использованию в процессе доказывания (часть 3 статьи 290 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года).

2.1.3.2. Последующий судебный контроль за действиями, бездействием и решениями органов, осуществляющих досудебное производство, в форме обжалования

Конструкция судебного обжалования решений и действий субъектов уголовного преследования в досудебном производстве (следователь, прокурор) подобна российской, но имеет некоторые особенности, которые отмечены ниже. Предметом обжалования было любое действие или решение следователя или прокурора, которое, по мнению заявителя, являлось незаконным или необоснованным, включая нарушение права на защиту обвиняемого, нарушение сроков следствия, отказ в возбуждении уголовного дела и т. д. Правом на обжалование обладали только лица, имевшие правовой интерес в деле, и их представители (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и другие). Обязательным условием обращения с жалобой в суд являлось неполучение своевременного ответа (не в установленный срок) на жалобу, направленную прокурору, либо отказ прокурора в удовлетворении жалобы. Судебное обжалование решения и бездействия прокурора не исключало административного обжалования (вышестоящему прокурору). Судебное обжалование не приостанавливало исполнение решения, но про-

курор наделялся правом приостановления исполнения обжалуемого решения. Закон содержал сроки давности обжалования¹⁴ — до двух месяцев с момента обнаружения заявителем нарушения его права. Процедура рассмотрения жалобы была такой же, как описанная выше, применявшаяся при рассмотрении ходатайств о получении судебного решения на применение мер процессуального принуждения или производства следственных действий, поэтому мы позволим себе не останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что обжалование допускалось, только если принятое по жалобе решение влияло на дальнейшее движение дела (отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение, приостановление производства по делу и т. п.) (статья 242 УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года).

Институт обжалования в УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года имел ряд черт, отличающих его от российской постановки: 1) ограниченный круг субъектов обжалования — только лица, имевшие правовой интерес, и их защитники и представители (законные представители); 2) установление срока давности обжалования; 3) закрепление прелиминарной процедуры до судебного обжалования (обжалование прокурору); 4) закрепление единственного исключительного основания для обжалования судебного решения (препятствие движению дела). Отмеченные особенности обусловлены статусом прокуратуры в грузинском уголовном процессе, представители которой, с одной стороны, осуществляют полноценный контроль за предварительным следствием и в конечном итоге несут ответственность за досудебную подготовку материалов (статья 33 УПК Грузии) и, с другой стороны, оптимизируют движение уголовного дела, конкретизируя перечень субъектов, сроков обжалования и ограничения оснований пересмотра решений, тем самым предупреждая злоупотребление правом.

Таким образом, в УПК Грузии в редакции от 20 марта 1998 года закреплялись предварительный и последующий судебный контроль за действиями и решениями органов, осуществляющих уголовное преследование. Институт судебного контроля за досудебным производством содержал ряд положений, которые, повторимся, способствовали поступательному движению уголовного дела и ограничению возможностей для злоупотребления правом обеими сторонами.

2.1.4. Корректировки института судебного контроля за досудебным производством до 2009 года включительно

Почти сразу после принятия УПК Грузии 1998 года начинается паллиативная корректировка судебного контроля, касавшаяся не сколько процедуры, сколько регламентации самих мер процессуального принуждения и следственных действий.

Так, в июне 1998 года дополнили систему обстоятельств, учитываемых при избрании в качестве меры пресечения домашний арест: характер инкриминируемого деяния, судимость, наличие инвалидности I или II группы, наличие тяжёлого хронического или инфекционного заболевания и т. д. (часть 1 статьи 166 УПК Грузии в редакции от 26 июня 1998 года)¹⁵.

Затем законодатель консолидированно изложил полномочия суда по осуществлению судебного контроля за досудебным производством, разместив их в статье 46 УПК

¹⁴ Срок давности обжалования — процессуальный срок, в течение которого можно обжаловать принятое решение, действие или бездействие.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 20 февраля 1998 года № 1251 (ред. от 26 июня 1998 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/31882?publication=2> (дата обращения: 04.06.2022).

Грузии, очерчивающей компетенцию суда, что подчёркивало судебскую природу этого направления деятельности¹⁶.

Кроме того, произошла унификация срока рассмотрения ходатайств о производстве процессуальных действий — «не позднее 24 часов после подачи» в суд вне зависимости от вида испрашиваемого процессуального действия в сочетании с вариативностью места проведения судебного заседания. В случае болезни, стихийного бедствия или по другой причине, препятствовавшей своевременному доставлению лица в суд, заседание проводилось по месту нахождения задержанного (часть 7 статьи 140 УПК Грузии в редакции от 28 мая 1999 года).

В дополнение были конкретизированы некоторые моменты применения мер процессуального принуждения. В частности, до избрания ареста лицо могли задержать до 24 часов. Заочное рассмотрение вопроса об аресте допускалось при наличии достаточных доказательств причастности лица к совершению преступления и при предъявлении обвинения. Если разыскиваемое лицо задерживалось, то в течение 48 часов его подлежало доставить в суд, где в соответствии с изложенной выше процедурой заслушивались стороны по поводу ранее избранной заочно меры пресечения (статья 140 УПК Грузии в редакции от 28 мая 1999 года), то есть суд убеждался (или не убеждался) в обоснованности заочного решения. Означенный 48-часовой срок могли продлить до 15 суток из-за каких-либо чрезвычайных обстоятельств (стихийные бедствия и прочее), не позволявших своевременно доставить задержанного в суд (статья 160 УПК Грузии в редакции от 28 мая 1999 года).

Право отказаться от исполнения обязанностей залогодателя посредством подачи заявления было урегулировано. В этом случае к обвиняемому применялась более строгая мера пресечения, а залог в течение месяца возвращался. К тому же появилась норма о неприменении залога в отношении лиц, которым вменяли совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (части 3 и 7 статьи 168 УПК Грузии в редакции от 28 мая 1999 года).

В развитие начал состязательности в досудебном производстве было закреплено право однократного обжалования решения об избрании меры пресечения (за исключением решения о продлении домашнего ареста и содержания под стражей) с указанием системы инстанций, рассматривавших жалобы, процедуры рассмотрения и сроков обжалования (48 часов с момента вынесения обжалуемого решения) и рассмотрения жалоб (72 часа с момента поступления жалобы в суд). Процедура рассмотрения жалоб была подобна описанным выше (статья 243 УПК Грузии в редакции от 28 мая 1999 года). Допущение обжалования решений об избрании, изменении или отмене меры пресечения — это, пожалуй, самая важная новелла УПК Грузии в редакции от 28 мая 1999 года, поскольку ею вводилась дополнительная гарантия прав уголовно-преследуемой личности¹⁷.

Ещё одно важное и дисциплинирующее нововведение — сокращение сроков давности судебного обжалования действий и решений правоприменителя в досудебном производстве с двух месяцев до 15 дней с момента, когда лицу стало известно о нарушении его права, и установление срока рассмотрения жалобы — 15 дней с момента поступления жалобы в суд (часть 4 статьи 242 УПК Грузии в редакции от 28 мая 1999 года).

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 20 февраля 1998 года № 1251 (ред. от 28 мая 1999 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/31882?publication=6> (дата обращения: 04.06.2022).

¹⁷ Уголовно-преследуемая личность — с формально-юридической точки зрения — лицо, имеющее процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого.

В целом изменения 1999 года можно охарактеризовать как оптимизирующие движение уголовного дела (установление, а в некоторых случаях сокращение процессуальных сроков и детализация процедур) в сочетании с закреплением дополнительных гарантий прав уголовно-преследуемой личности (право на обжалование некоторых решений, принимаемых в досудебном производстве).

Намеченные изменениями 1999 года тренды на укрепление гарантий прав личности и оптимизацию уголовно-процессуальной процедуры получили своё развитие в последовавших в 2005—2010 годах изменениях уголовно-процессуального закона Грузии¹⁸.

К укреплявшим процессуальный статус уголовно-преследуемой личности, несомненно, относятся: право обжаловать судебные решения о производстве следственных действий (статья 293 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года); право обращаться с ходатайством об изменении или отмене меры пресечения (до введения этого положения закон предусматривал такое право только для прокурора) (части 17 статьи 140 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года); право отказаться от принудительного помещения в стационар для обследования лица, не имеющего процессуального статуса обвиняемого (исключение части 2 статьи 177 УПК Грузии в 2007 году), и право рассчитывать на снижение размера залога при надлежащем выполнении обвиняемым своих обязанностей (ходатайство рассматривалось в течение 24 часов после получения судом) (часть 8.1 статьи 168 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года).

Как представляется, оптимизации уголовно-процессуальной процедуры способствовали нормы о рассмотрении ходатайства о наложении ареста на имущество и других следственных действий без судебного разбирательства (часть 17 статьи 140 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года); исключение из закона кассационного пересмотра апелляционных решений об избрании, изменении или отмене мер пресечения (статья 243 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года) и установление низшего предела размера залога в 2000 лари (часть 2 статьи 168 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года).

Таким образом, в 1998—2009 годах произошло учреждение института судебного контроля за досудебным производством и наметились основные направления его реформирования, обусловленные решением двуединой задачи — обеспечение прав уголовно-преследуемой личности в сочетании с оптимизацией уголовно-процессуальной деятельности, что крайне важно для обеспечения доступа к правосудию. В основном в указанный период изменения касались предварительного и последующего судебного контроля за применением мер процессуального принуждения.

2.2. Развитие института судебного контроля за досудебным производством (с 2010 года по настоящее время)

Второй этап развития судебного контроля в уголовно-процессуальном законодательстве Грузии ознаменован введением специального субъекта — судьи-магистрата, наделённого исключительными полномочиями по судебному контролю за досудебным производством¹⁹. В соответствии с Органическим законом Грузии «Об общих судах» судья-маги-

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 9 октября 2009 года № 1772 (ред. от 25 декабря 2009 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=1> (дата обращения: 04.06.2022).

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 9 октября 2009 года № 1772 (ред. от 24 сентября 2010 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=1> (дата обращения: 04.06.2022). УПК Грузии 9 октября 2009 года введён в действие с 1 октября 2010 года (часть 1 статьи 333).

страт является членом районного (городского) суда, осуществляющим свои полномочия единолично на части территории действия районного (городского) суда. Количество судей-магистратов и размеры территории, которые отнесены к их юрисдикции, устанавливаются Высшим советом юстиции Грузии. Требования к кандидату на должность судьи-магистрата и процедура его назначения являются такими же, как и для судей районных (городских) судов (часть 3 статьи 28, часть 2 статьи 29, статья 34 Органического закона «Об общих судах»)²⁰.

В законе нет определения судьи-магистрата, но, исходя из положений Органического закона от 4 декабря 2009 года и системы предоставленных судье-магистрату полномочий (часть 2 статьи 20 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года), можно сформулировать следующую дефиницию: судья-магистрат — это судья районного (городского) суда, юрисдикция которого распространяется на часть территории действий районного (городского) суда и к компетенции которого отнесено осуществление судебного контроля за процессуальными действиями органов уголовного преследования, ограничивающими конституционные права и свободы личности.

В силу учреждения должности судьи-магистрата ранее осуществлявшиеся районными (городскими) судьями полномочия по судебному контролю за досудебным производством, которые наряду с этим видом судебной деятельности разрешали уголовные дела по существу, передали судьям-магистратам, дополнив некоторыми новыми значимыми компетенциями.

Словом, процедура и система полномочий по осуществлению судебного контроля за досудебным производством у судей-магистратов в целом остались такими же, как и у районных (городских) судей в соответствии с УПК Грузии 1998 года, но организационное оформление судебного контроля изменилось. Такой подход соответствует понятию самостоятельной судебной власти, которая, как отмечалось выше, должна обладать не только внешней, но и внутренней самостоятельностью как средством обеспечения независимости судей и подчинения их только закону при принятии решений. Сосредоточенные только на осуществлении судебного контроля за досудебным производством и не связанные последующей необходимостью принимать итоговое решение по уголовному делу, судьи-магистраты объективно более независимы при принятии решений в пределах своих полномочий.

2.2.1. Судебный контроль за применением мер процессуального принуждения

Выше указывалось, что компетенция судьи-магистрата в УПК Грузии 2009 года была дополнена новыми полномочиями. К таковым относится осуществление судебного контроля за появившейся специфической мерой процессуального принуждения — приостановление действия паспорта гражданина Грузии (статья 164 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года), которое не позволяет лицу выехать за пределы государства, поскольку данные паспорта вносятся в специальную базу, использование которой препятствует пересечению границы. В дальнейшем нормы статьи 163 УПК Грузии предусматривали также приостановление на основании судебного решения действия нейтрального проездного документа. Нейтральные удостоверения и проездные документы могут

²⁰ Органический закон Грузии «Об общих судах» от 4 декабря 2009 года № 2257-lic. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90676?publication=43> (дата обращения: 04.06.2022).

получить лица, проживающие в Абхазии и Южной Осетии. Понятие нейтрального удостоверения и проездного документа появилось в законодательстве Грузии в 2011 году²¹.

Помимо появления контролируемой судом новой меры процессуального принуждения законодатель внёс ряд нововведений в имевшиеся в законе меры процессуального принуждения, которые, по сути, нацелены на минимизацию неблагоприятных последствий ограничения конституционных прав и свобод личности. Так, законодатель установил ординарный срок нахождения лица в медицинском учреждении в 20 дней с возможностью его продления судом ещё на 10 дней на основании заключения врачей, проводивших стационарное обследование (части 1, 2 статьи 181 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года). Кроме того, был снижен минимальный размер залога с 2 000 до 1 000 лари (часть 2 статьи 200 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года). Был конкретизирован срок содержания лица под стражей — максимальный срок по расследуемому и рассматриваемому уголовному делу не может превышать 9 месяцев, из них в досудебном производстве не более 60 дней с момента задержания (части 2, 3 статьи 205 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года). Были дополнены и основания наложения ареста на имущество — лицо является членом коррупционного, рэкетного или «воровского сообщества»/«вора в законе» или осуждено за легализацию незаконных доходов (отмывание денег) в особо крупных размерах (часть 3 статьи 194 УК Грузии²²; часть 3 статьи 151 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года). Был ужесточён порядок последующего судебного контроля за наложением ареста на имущество без судебного решения — в течение 12 часов после наложения ареста на имущество без судебного решения (если срок истекает в нерабочее время, то не позднее чем через 1 час с начала рабочего дня) прокурор уведомляет суд и представляет ходатайство о проверке законности наложения ареста на имущество с материалами, обосновывающими принятое органами уголовного преследования решение. Суд рассматривает ходатайство в течение 24 часов с момента его поступления (статья 155 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года). Был уточнён юридический факт, прекращающий временное отстранение обвиняемого от должности, — вынесение окончательного решения по делу. Ранее формулировка была более аморфной — до рассмотрения дела судом (ср. часть 1 статьи 185 УПК Грузии в редакции от 25 августа 1999 года и часть 1 статьи 161 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года)²³.

2.2.2. Судебный контроль за производством следственных действий

Если в отношении осуществления предварительного и последующего судебного контроля за применением мер процессуального принуждения справедливо утверждение об отсутствии принципиальных изменений в УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года, то в отношении следственных действий судебный контроль претерпел существенные изменения, которые можно охарактеризовать как упрощение процедуры получения судебного решения о производстве следственного действия. Во-первых, более лаконично изложены критерии отнесения следственных действий, относимых к производимым на основании судебного решения, — ограничение конституционного права на неприкос-

²¹ Закон Грузии от 23 октября 2008 года № 431 «Об оккупированных территориях» (ред. от 15 июля 2020 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/19132?publication=8> (дата обращения: 04.06.2022).

²² Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года № 2287 (ред. от 12 июля 2021 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=234> (дата обращения: 04.06.2022).

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 20 февраля 1998 года № 1251 (ред. от 28 мая 1999 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/31882?publication=6> (дата обращения: 04.06.2022).

новенность частной собственности и частной жизни. Во-вторых, чётко определён срок рассмотрения ходатайства — 24 часа с момента его подачи в суд. В-третьих, судебное решение о производстве следственного действия принимается единолично судьёй. Судебное заседание проводится только в том случае, если судья сочтёт необходимым участие заявителя (следователя). В-четвёртых, не требуется получения судебного решения, если дано согласие лица, конституционные права которого ограничиваются, на производство следственного действия без судебного решения. В-пятых, предусмотрено обжалование решения о производстве следственного действия (статья 112 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года).

Несколько выходя за рамки исследования, отметим, что грузинский законодатель расширил арсенал следователей по собиранию доказательств, дополняя «традиционную» для периода СССР систему следственных действий новыми способами собирания и проверки доказательств, что разумно, поскольку деятельность правоохранительных органов оснащается адекватными средствами противодействия преступности. Перечисленные ниже следственные действия производятся на основании судебного решения, получаемого в соответствии с изложенными выше правилами, с некоторыми отмеченными далее особенностями (статьи 112 и 143³ УПК Грузии в редакции от 27 октября 2015 года)²⁴.

Так, в УПК Грузии появилась глава 16 «Следственные действия, связанные с компьютерными данными», в которой закреплена система и процедура производства следственных действий по собиранию доказательственной информации на электронных носителях и в онлайн-ресурсах: истребование документа или информации, хранящейся в компьютерной системе или средстве хранения компьютерных данных; текущий сбор данных интернет-трафика; сбор содержательных данных (статьи 136–138 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года). В последующем уголовно-процессуальный закон дополнен следственным действием, осуществляющим мониторинг банковских счетов (статья 124¹ УПК Грузии в редакции от 27 октября 2015 года), с ходатайством о производстве которого в суд может обратиться прокурор с согласия Генерального прокурора или его заместителя. Цель мониторинга банковских счетов — отыскание доказательств использования банковского счёта для совершения преступления, а также обнаружение или идентификация имущества, подлежащего изъятию.

В 2014 году УПК Грузии пополнился тайными следственными действиями (глава 16¹ в редакции от 27 октября 2015 года), к которым на настоящий момент относятся: 1) скрытое прослушивание и запись телефонных переговоров; 2) снятие и фиксация информации с канала связи (путём подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и станционной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и инсталляция в компьютерную систему с указанной целью соответствующих средств программного обеспечения; 3) определение геолокации в реальном времени; 4) контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты); 5) скрытая видео- и аудиозапись, кино- и фотосъёмка; 6) электронное слежение при помощи технических средств, использование которых не причиняет вреда жизни, здоровью людей и окружающей среде. Тайные следственные действия производятся только при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, а также некоторых киберпреступлений, преступлений против охраны окружающей среды, порядка управления (главы XXXV, XXXVI, XL Уголовного кодекса

²⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 9 октября 2009 года № 1772 (ред. от 27 октября 2015 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=62> (дата обращения: 04.06.2022).

Грузии) и т. п. (статья 143², пункт «а» части 2 статьи 143³ УПК Грузии в редакции от 27 октября 2015 года).

2.2.3. Участие судьи-магистрата в доказывании по уголовным делам в досудебном производстве

В уголовно-процессуальном законе Грузии 2009 года закреплены полномочия, одновременно связанные с доказыванием и осуществлением судебного контроля за досудебным производством, а также подчёркивающие судебную природу деятельности судьи-магистрата. Во-первых, это право производить в досудебном производстве допрос свидетеля (депонирование показаний) при соблюдении некоторых условий: 1) наличие ходатайства стороны — первоначально только стороны обвинения, а с 2020 года и стороны защиты; 2) наличие особых обстоятельств — ухудшение здоровья или «реальная» опасность смерти свидетеля, что может помешать рассмотрению дела по существу; отъезд из Грузии на длительное время; невозможность, несмотря на предпринятые усилия, получить необходимые для рассмотрения дела по существу доказательства из других источников; применение в отношении свидетеля специальных мер защиты; 3) проведение допроса с участием сторон, хотя в исключительных случаях может приниматься решение о допросе в отсутствие стороны. В таком случае, если означенное лицо повторно допрашивается в судебном разбирательстве, то данные в отсутствие защитника в досудебном производстве показания считаются недействительными; 4) предоставление сторонам права задавать вопросы в ходе проведения допроса (статьи 114, 115 УПК Грузии в редакции от 24 сентября 2010 года). В 2020 году в процедуре допроса свидетеля судьёй-магистратом в досудебном производстве было зафиксировано правило о 24-часовом сроке, в течение которого с момента принятия решения должно быть произведено следственное действие (части 2¹ и 6 статьи 114 УПК Грузии в редакции от 15 июля 2020 года²⁵).

Следует заметить, что депонирование показаний известно на постсоветском пространстве также законодательству, например, Казахстана (статья 217), Кыргызстана (статья 200), Молдовы (статьи 110–110¹)²⁶. Означенная процедура заслуживает внимания, так как позволяет в особых ситуациях получить показания в досудебном производстве носителю судебной власти, реализующему в уголовном процессе функцию правосудия, а следовательно, равноудалённому от позиций стороны обвинения и защиты.

Во-вторых, судья-магистрат решает судьбу транспортного средства, являющегося вещественным доказательством, в ситуациях, когда лицо, купившее транспортное средство, знало в момент заключения сделки, что это транспортное средство связано с совершением преступления, или когда возврат транспортного средства невозможен по другим причинам. В таком случае прокурор обращается к судье-магистрату с ходатайством об обращении транспортного средства в доход государства. Судебное заседание проводится не позднее пяти дней с момента получения ходатайства с участием всех заинтересованных лиц (часть 5 статьи 80 УПК Грузии в редакции от 29 июля 2013 года).

²⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии: закон от 9 октября 2009 года № 1772 (ред. от 15 июля 2020 года). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=124> (дата обращения: 04.06.2022).

²⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: закон от 4 июля 2014 года № 231-V (ред. от 2 марта 2022 года). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 04.06.2022); Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20 (ред. от 22 июля 2021 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326&pos=187;-52#pos=187;-52 (дата обращения: 04.06.2022); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (ред. от 31 марта 2022 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 04.06.2022).

2.2.4. Последующий судебный контроль за досудебным производством в форме обжалования действий, бездействия и решений лиц, осуществляющих уголовное преследование

Последующего судебного контроля за применением мер процессуального принуждения и производства следственных действий в соответствии с УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года мы коснулись выше. Что касается второй формы последующего судебного контроля (обжалование действий и решений, производимых и принимаемых в досудебном производстве), то в уголовно-процессуальном законе 2009 года содержится принципиально иной подход к конструкции института обжалования. Система составляющих его норм распадается на регламентирующие общий и особенный порядок рассмотрения жалоб.

Параметры процедуры обжалования закреплены в нормах статей 95–99 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года и сводятся к следующим моментам: 1) требования к жалобе, которая должна быть письменной, поданной в нескольких экземплярах, содержать информацию о сущности нарушения с приложением документов, подтверждающих её обоснованность; 2) запрет на рассмотрение жалобы лицом, действия которого обжалуются; 3) обязанность лица, рассматривающего жалобу, немедленно принять меры к восстановлению нарушенного права или законного интереса; 4) срок обжалования — 10 дней с момента, когда лицо узнало о действии или решении, которые, по его мнению, являются незаконными, если иной срок не установлен в законе; 5) срок рассмотрения жалобы — 3 дня с момента поступления жалобы управомоченному лицу, если иное не предусмотрено законом; 6) виды принимаемых по жалобе решений — об отмене или изменении решения полностью, в части или отклонение жалобы. Изложенная вкратце процедура, исходя из системного анализа норм частей 1 и 2 статьи 95 УПК Грузии в редакции от 25 октября 2009 года, является единой для рассмотрения жалоб как в административном, так и в судебном порядке. Описанная процедура демократична, о чём свидетельствуют открытый перечень лиц, имеющих право на обжалование действий и решений правоприменителя и допущение подачи жалобы на любой стадии уголовного процесса (части 1, 5 статьи 95 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года). В УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года нет единого перечня действий и решений, которые можно обжаловать, есть лишь ссылка на то, что обжалованию подлежат действия и решения, если это указано в законе (часть 1 статьи 95 УПК Грузии в редакции от 25 декабря 2009 года). Иными словами, чтобы определиться касательно того, можно или нельзя обжаловать то или иное решение или действие и каковы особенности обжалования, нужно обратиться к специальным нормам, закрепляющим процедуру принятия решения или производства процессуального действия. Приведём несколько примеров вариативности последующего судебного контроля за действиями и решениями органов, осуществляющих уголовное преследование. Лицо, которому стало известно о производстве в отношении него тайного следственного действия²⁷, однократно в течение 48 часов с момента получения информации может обратиться с жалобой. Если о тайном следственном действии стало известно по окончании производства по делу, то жалоба может быть направлена в течение месяца после получения информации. Жалоба

²⁷ В УПК Грузии нет дефиниции тайного следственного действия. Исходя из системы действий, закреплённых в уголовно-процессуальном законе, тайное следственное действие можно определить как легализованное в УПК Грузии, возведённое на уровень следственного действия оперативно-розыскное мероприятие, результаты проведения которого используются в процессе доказывания по уголовному делу.

бу в обоих случаях рассматривают в течение 72 часов (статья 143³ УПК Грузии в редакции от 27 октября 2015 года). Срок обжалования определения суда о наложении ареста на имущество исчисляется с момента передачи решения уполномоченному лицу, а правом обжалования такого решения обладают прокурор, обвиняемый и лицо, имущественные права которого затронуты (статья 156 УПК Грузии в редакции от 27 октября 2015 года). Не подлежит обжалованию решение о принудительном помещении в медицинский стационар (часть 1 статьи 180 УПК Грузии в редакции от 27 октября 2015 года) и т. п. По нашему мнению, такой подход к регламентации последующего судебного контроля за действиями и решениями, производимыми и принимаемыми в досудебном производстве, достаточно удачен. Повторимся, закон определяет параметры института обжалования и конкретизирует их в специальных нормах с учётом специфики обжалуемых процедур (решений).

Если сопоставить модели обжалования в УПК Грузии 1998 и 2009 годов, то совершенно очевидно, что грузинский законодатель пошёл по пути оптимизации процедуры, сделав её утилитарнее в целях достижения процессуальной экономии, превенции злоупотребления правом и обеспечения доступа к правосудию. Это проявляется, прежде всего, в двух моментах — в закреплении достаточно сжатых сроков обращения с жалобой и её рассмотрения судом и в конкретизации процедуры обжалования действий и решений с учётом их особенностей. Кроме того, важно, что законодатель отказался от неточных формулировок при определении допустимости обжалования действия или решения, имевшихся в уголовно-процессуальном законе 1998 года, по типу — обжалование любого действия или решения, которое является незаконным или необоснованным. В завершение повторимся: конкретизация предмета обжалования и сроков усложняет участникам процесса использование обжалования недобросовестно и для достижения целей, не связанных с правосудным разрешением дела.

Таким образом, на втором этапе развития института судебного контроля за досудебным производством имело место серьёзное организационное изменение в постановке судебного контроля — учреждение специального субъекта — судьи-магистрата; существенно расширились полномочия по предварительному судебному контролю за производством следственных действий в связи с закреплением в уголовно-процессуальном законе нескольких соответствующих реалиям следственных действий — следственные действия, связанные с компьютерными данными, тайные следственные действия и мониторинг счетов; упорядочилось осуществление последующего судебного контроля по рассмотрению жалоб.

3. Выводы

Исследование эволюции судебного контроля за досудебным производством в уголовно-процессуальном законодательстве Грузии позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В процессе развития института судебного контроля за досудебным производством в Грузии можно выделить два этапа: 1) период с 1998 по 2009 год — учреждение института судебного контроля за досудебным производством и 2) период с 2010 года по настоящее время, характеризуемый организационным оформлением специального субъекта — судьи-магистрата, осуществляющего судебный контроль за досудебным производством, уточнением заложенных УПК Грузии 1998 года процедур реализации судебного контроля и расширением системы полномочий по осуществлению судебного контроля за досудебным производством.

2. Первоначальная конструкция судебного контроля за досудебным производством в УПК Грузии 1998 года содержала триаду направлений осуществления судебного контроля за досудебным производством: 1) предварительный судебный контроль за применением некоторых мер процессуального принуждения; 2) предварительный судебный контроль за производством некоторых следственных действий; 3) последующий судебный контроль за действиями, решениями и бездействием субъектов, осуществляющих уголовное преследование.

3. В УПК Грузии 2009 года самым существенным изменением в постановке судебного контроля за досудебным производством является учреждение судьи-магистрата — специального субъекта, осуществляющего в различных формах судебный контроль за досудебным производством.

4. Анализ вносившихся как на первом, так и на втором этапах корректив в институт судебного контроля за досудебным производством позволяет охарактеризовать их как закрепляющие дополнительные гарантии прав уголовно-преследуемой личности с одновременной оптимизацией движения уголовного дела и предупреждением злоупотребления правом.

5. В целом изменения и дополнения института судебного контроля за досудебным производством, по нашему мнению, преимущественно паллиативны, что косвенно свидетельствует об изначальной тщательности проработки норм института судебного контроля.

6. Сопоставление регламентации грузинской и российской моделей института судебного контроля за досудебным производством позволяет констатировать сходство подходов. Однако регламентация УПК Грузии содержит ряд заслуживающих внимания моментов, в частности: организационное оформление субъекта, специализирующегося на судебном контроле за досудебным производством; утилитарность в регламентации процедур рассмотрения ходатайств об избрании мер процессуального принуждения и в производстве следственных действий и обжаловании решений, проявляющаяся в установлении конкретных сжатых сроков рассмотрения ходатайств, подачи и рассмотрении жалоб и в ограничении перечня субъектов, имеющих право обжалования; конкретизация предмета обжалования в рамках последующего судебного контроля; увеличение перечня направлений по осуществлению судебного контроля за досудебным производством (депонирование показаний).

Библиографическое описание:

Верещагина А., Куманькова Д. Судебный контроль за досудебным производством в уголовно-процессуальном законодательстве Грузии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. ??–21.

Judicial control over pre-trial proceedings in the criminal procedure legislation of Georgia

Alla Vereshchagina

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia (e-mail: alla.vereschagina@vvsu.ru).

Daria Kuman'kova

Teacher of History and Social Studies, Secondary School No. 79, Vladivostok, Russia (e-mail: dkumankova@mail.ru).

Abstract

The relevance of the study is due to the need to find acceptable examples for Russia of the regulation of the institute of judicial control over pre-trial proceedings, the formulation of which in the current Criminal Procedure Code of Russia is not entirely successful. Russian researchers practically do not pay attention to the study of existing foreign experience. The purpose of the study is to identify the constructive elements of the normative model of judicial control over pre-trial proceedings in Georgia. To achieve the purpose of the study, the following tasks are formulated: to study the evolution of the institute of judicial control over pre-trial proceedings; to give a periodization of the development of the institute; to analyze the regulatory regulations and outline the architectonics of the institute of judicial control over pre-trial proceedings. The object of the study is the criminal procedure legislation of Georgia, the subject is the regulatory of the Georgian Institute of Judicial Control over Pre-trial Proceedings. The novelty of the results obtained is due to the subject of the study, which has so far remained out of the attention of Russian scientists. As a hypothesis, the assumption is formulated that the regulation of the institute of judicial control over pre-trial proceedings may contain provisions acceptable for reception. The research methodology includes the principles of scientific cognition — objectivity, pluralism, historicism and a set of methods: description, analysis, synthesis, historical-diachronic, formal-logical and comparative. There are two stages in the development of the institute of judicial control over pre-trial proceedings in Georgia: 1) establishment and consolidation of the main elements of the Institute (1998–2009) and 2) further development of the Institute (2010 — present). The design of the institute of judicial control over pre-trial proceedings in Georgia is similar to that in Russia, but has a number of differences. The main features of the regulation include the establishment of a special subject — a magistrate judge exercising judicial control over pre-trial proceedings; a wider range of areas of judicial control, including deposition of witnesses statements; deposition of testimony; consolidation of general and special provisions of the procedure for making a court decision on the application of procedural coercion measures and investigative actions and specific deadlines for resolving petitions and complaints.

Keywords

magistrate judge; preliminary judicial control; subsequent judicial control; measure of procedural coercion; investigative action; deposition of witness testimony.

Citation

Vereshchagina A., Kuman'kova D. (2022) Sudebnyy kontrol' za dosudebnym proizvodstvom v ugovolno-protsessual'nom zakonodatel'stve Gruzii [Judicial control over pre-trial proceedings in the criminal procedure legislation of Georgia]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 31, no. 3, pp. ??–21. (In Russian).

References

- Bogdanovich N. A. (2019) Prekrashchenie proizvodstva po ugovolnym delam, zaregistrirovannym v elektronnoy sisteme “Edinyy reestr dosudebnykh rassledovaniy”: problemy teorii i praktiki [The termination of criminal proceedings registered in the electronic system “Unified register of pre-trial investigations”: problems of theory and practice]. *Zhurnal zarubezhnogo prava i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 1, pp. 94–99. (In Russian).
- Bukaev N. M., Koryakin A. L. (2017) Osobennosti uskorenного sudoproizvodstva pri soglasii obvinяаемого s pred'yavlennym обвинением v nekotorykh zarubezhnykh stranakh [Features of the accelerated proceedings with the consent of the accused with the accusation in some foreign countries]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, no. 31, pp. 105–111. (In Russian).
- Churikova A. Yu. (2021) Znachenie vybora modeli deyatel'nosti prokurora dlya reformy ugovolnogo protsessа [The value of choosing a model of the prosecutor's activity for the reform of the criminal process]. In: Razgel'deev N. T. et al. (eds.) *Transformatsiya pravovykh institutov i metodov obespecheniya ekologicheskoy i prodovol'stvennoy bezopasnosti v Rossii, stranakh SNG i Evropeyskogo soyuza v usloviyakh unedreniya genno-inzhenernykh tekhnologiy: Materialy*

- VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, prakticheskikh sotrudnikov, studentov, magistrantov, aspirantov: sbornik nauchnykh statey* [Transformation of legal institutions and methods of ensuring environmental and food security in Russia, CIS countries and the European Union in the context of the introduction of genetic engineering technologies. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference of teachers, practitioners, students, undergraduates, postgraduates: a collection of scientific articles], Saratov: Izdatel'stvo "Saratovskiy istochnik", pp. 234–237. (In Russian).
- Dolidze V. M. (2019) Postkommunisticheskaya transformatsiya i tsikly politicheskogo razvitiya Gruzii [Post-communist transformation and political development cycles of Georgia]. *Postsovetские issledovaniya*, no. 1, pp. 885–892. (In Russian).
- Gravina A. A., Kashepov V. P., Makarova O. V. (2011) *Konstitutsionnye printsipy sudebnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional principles of the judiciary of the Russian Federation], Moscow: Yurisprudentsiya. (In Russian).
- Klevtsov K. K. (2018) Iz'yatie pasporta v ramkakh predvaritel'nogo rassledovaniya — novaya mera ugovolno-protsessual'nogo prinuzhdeniya [The seizure of a passport is a new measure of criminal procedural coercion]. *Ugolovnyy protsess*, no. 1, pp. 118–122. (In Russian).
- Kotlyarevskiy S. A. (1915) *Vlast' i pravo: Problema pravovogo gosudarstva* [Power and law. The problem of the rule of law], Moscow: Izdanie G. A. Lemana i S. I. Sakharova. (In Russian).
- Kotlyarevskiy S. A. (1907) *Konstitutsionnoe gosudarstvo: Opyt politiko-morfologicheskogo obzora* [Constitutional state. Experience of political and morphological review], Saint Petersburg: Tipografiya Al'tshulera. (In Russian).
- Mashovets A. O. (2015) Varianty vvedeniya instituta sledstvennogo sud'i v dosudebnoe ugovolnoe proizvodstvo [The options of introducing the institution of the investigating judge in pre-trial criminal proceeding]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo"*, no. 4, pp. 37–42. (In Russian).
- Nasonov S. A. (2015) Evropeyskie modeli proizvodstva v sude prisyazhnykh: sud prisyazhnykh v Gruzii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) [European models of the proceedings in the trial by jury: trial by jury in Georgia (comparative legal study)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, no. 6, pp. 163–169. (In Russian).
- Ovsyannikov Yu. Z. (2013) Sudebnaya reforma v Gruzii (2005–2012) [Judicial reform in Georgia (2005–2012)]. *Zakon.ru*, 23 January. Available at: https://zakon.ru/blog/2013/1/23/sudebnaya_reforma_v_gruzii_20052012 (accessed: 04.06.2022). (In Russian).
- Pastukhov P. S., Terekhin V. V. (2014) K voprosu o ponyatii i sushchnosti elektronnykh dokazatel'stv v ugovolnom processe [To a question of concept and essence of electronic proofs in criminal trial]. *Vestnik Komi respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Seriya "Gosudarstvo i pravo"*, no. 18, pp. 69–75. (In Russian).
- Pososhkov I. T. (1951) *Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya* [A book about poverty and wealth and other works], B. B. Kafengauz (ed.), Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Ryabinina T. K. (2017) Neobkhodim li rossiyskomu ugovolnomu protsessu institut sledstvennogo sud'i? [On whether the Russian criminal procedure requires institute of investigation judge]. *Lex Russica*, no. 12, pp. 200–213. (In Russian).
- Sementsov V. A. (2016) K voprosu o popolnenii sistemy sledstvennykh deystviy neglasnymi poznavatel'nymi priemami [On the question of replenishing the system of investigative actions with tacit cognitive techniques]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 4, pp. 48–57. (In Russian).
- Sevruc Yu. G., Stoletniy A. V. (2018) Protssessual'noe rukovodstvo prokurorom dosudebnym rassledovaniem: mezhdunarodnyy opyt i natsional'nye realii [Procedural governance of investigation by prosecutor: international experience and national realities]. *Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noy prokurature Respubliki Kazakhstan*, no. 1, pp. 81–90. (In Russian).
- Tat'yanina L. G., Lukomskaya A. S. (2017) Sravnitel'no-pravovoy analiz definitivnoy normy o potepvshem v ugovolno-protsessual'nom zakonodatel'stve stran Blizhnego zarubezh'ya (stran SNG

- i Pribaltiki) [Victim criminal proceedings comparative legal analysis criminal procedural legislation of the middle abroad countries (CIS and Baltic countries)]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 27–35. (In Russian).
- Vereshchagina A. (2004) Konstitutsionnye osnovy ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossii [Constitutional bases of criminal procedure legislation of Russia]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 13, no. 4, pp. 182–190. (In Russian).
- Vereshchagina A. V. (2018) Ideya neprikosновенности lichnosti i opyt eyo realizatsii v dosovetskoj Rossii [Personal immunity idea and the experience of its realization in pre-Soviet Russia]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, no. 3, pp. 62–71. (In Russian).
- Vereshchagina A. V., Kuman'kova D. A. (2020) Protседura realizatsii polnomochiy sledstvennym sud'ey v ugovolno-protsessual'nom zakonodatel'stve Kazakhstana, Kyrgyzstana i Moldovy [The procedure for the implementation of the powers of the investigating judge under the Criminal Procedure Code of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, no. 1, pp. 76–89. (In Russian).
- Yashkova T. A., Chichinadze S. Ya. (2020) Stanovlenie gosudarstvennosti i razvitie demokraticeskikh institutov respubliki Gruziiya [The formation of statehood and the development of democratic institutions in the Republic of Georgia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, no. 4–1, pp. 66–74. (In Russian).
- Yusupov M. Yu., Magomedov G. B. (2018) Prokurorskaya diskreetsiya v ugovolnom protsesse Rossii i Gruzii [Prosecutorial discretion in the criminal process of Russia and Georgia: a comparative legal analysis]. *Pravovaya kul'tura*, no. 1, pp. 54–61. (In Russian).
- Zaytsev V. P. (2019) K voprosu o sushchnosti nalozheniya aresta na imushchestvo v ugovolnom protsesse Respubliki Belarus' [On the issue of the essence of the seizure of property in the criminal process of the Republic of Belarus]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*, no. 4, pp. 15–22. (In Russian).